

Қазақстан Республикасы
Фылым және жоғары білім министрлігі

Ш.Ш. Уәлиханов атындағы
Тарих және этнология институты

ОТАН ТАРИХЫ

2025. №28 (4) ОТАН ТАРИХЫ

- ТАРИХ
- ЭТНОЛОГИЯ
- АРХЕОЛОГИЯ

ISSN: 1814-6961 (print)
ISSN: 2788-9718 (online)

Отан тарихы
Отечественная история
History of the Homeland

Үш айда бір рет шығатын ғылыми журнал
2025. № 28 (4)

РЕДАКЦИЯ

Бас редактор

Қабылдинов Зиябек Ермұханұлы – тарих ғылымдарының докторы, профессор, ҚР ҰҒА академигі, Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институтының бас директоры (Қазақстан Республикасы, Алматы қ.)

Редакциялық алқа

Әбіл Еркін Аманжолұлы – тарих ғылымдарының докторы, профессор (Қазақстан Республикасы, Астана қ.)

Абдырахманов Толобек Әбілұлы – тарих ғылымдарының докторы, профессор, Қыргыз Республикасы Үлттық ғылым академиясының корреспондент-мүшесі (Қыргыз Республикасы, Бишкек)

Апендиев Тимур Әкімханұлы – PhD докторы, доцент, жетекші ғылыми қызметкер, Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты (Қазақстан Республикасы, Алматы қ.)

Горищина Светлана Михайловна – PhD, тарих ғылымдарының кандидаты; CNRS Eur'Orbem, UMR 8224, CNRS/ Sorbonne университетінің зерттеу бөлімінің директоры (Франция, Париж)

Исмагұлов Оразақ Исмагұлұлы – тарих ғылымдарының докторы, профессор, ҚР Қазақстан Республикасы Үлттық музейінің физикалық антропология зертханасының менгерушісі (Қазақстан Республикасы, Астана қ.)

Шинджи Като – PhD (археология бойынша), Нарадағы мәдени құндылықтардың үлттық ғылыми-зерттеу институты (Жапония, Нара)

Бирсель Каракоч – Уппсала университетінің түркі тілдерінің профессоры (Швеция, Уппсала қ.)

Мионг Сун-ок – антропология ғылымдарының докторы, қауымдастырылған профессор (Корея, Сеул)

Козыбаева Махаббат Маликовна – PhD доктор; Л.Н.Гумилев атындағы Еуразия үлттық университетінің «Алаш» мәдениет және рухани даму институтының жетекші ғылыми қызметкері (Қазақстан Республикасы, Астана қаласы)

Моррисон Александр – PhD, NewCollege профессоры, Оксфорд (Ұлыбритания, Оксфорд)

Мотузайт-Матузевичюте Гидре – археология ғылымдарының докторы, профессор, Вильнюс университетінің «Биоархеология» ғылыми орталығының жетекшісі (Литва, Вильнюс)

Муминов Эширбек Құрбанұлы – тарих ғылымдарының докторы, арабтанушы, профессор; ИҚҰ (Орталық Азия) үйымдастыру қызметінің бас директорының кеңесшісі (Түркія, Стамбул)

Нұрсан Әлімбай – тарих ғылымдарының кандидаты, профессор, Ш.Ш.Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институтының бас ғылыми қызметкері (Қазақстан Республикасы, Алматы қ.)

Отемова Гүлфира Елубайқызы – тарих ғылымдарының докторы, Ә. Марғұлан атындағы Павлодар педагогикалық университетінің профессоры (Қазақстан Республикасы, Павлодар қ.)

Оутрам Алан – археология ғылымдарының докторы, Эксетер университетінің археология және тарих кафедрасының профессоры (Ұлыбритания, Эксетер)

Романова Екатерина Назаровна – Солтүстіктің байырғы халықтарының мәселелері және гуманитарлық зерттеулер институтының этнологиялық зерттеулер орталығының жетекшісі (АН СР(Ы) ХР) (Ресей Федерациясы, Якутск қ.)

Рююсuke Оно – Васеда университетінің терендетілген гуманитарлық зерттеулер орталығының доценті (Жапония, Токио)

Сәбитов Жақсылық Мұратұлы – Жошы Ұлысын зерттеу ғылыми институтының директоры, PhD доктор (Қазақстан Республикасы, Астана қаласы)

Томохико Уяма – PhD докторы, Хоккайдо университетінің славян және еуразиялық зерттеулер орталығының профессоры (Жапония, Саппоро)

Финке Питер – PhD докторы, Цюрих университетінің Макс Планк институтының профессоры (Швейцария, Цюрих)

Шотанова Галия Айтжанқызы – тарих ғылымдарының кандидаты, Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институтының жетекші ғылыми қызметкері (Қазақстан Республикасы, Алматы қ.)

Жауапты редактор

Абдулина Ақсұңқар Тұрсынқызы

Жауапты хатшы және редактор

Мырзаходжаев Куаныш Мәдиұлы

Редакторлар

Қасымова Дидал Бейсенгалиқызы

Черниенко Денис Аркадьевич

Досымбетов Нұрлыбек Айдарбекұлы

Көбеев Рустем Джасаулыбайұлы

Техникалық көмек

Зікірбаева Венера Серікқызы

Копеева Сания Жұматайқызы

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор

Кабульдинов Зиябек Ермуханович – доктор исторических наук, профессор, академик НАН РК, генеральный директор Института истории и этнологии имени Ч.Ч. Валиханова (Республика Казахстан, г. Алматы)

Члены редакционной коллегии

Абиль Еркин Аманжолович – доктор исторических наук, профессор (Республика Казахстан, г. Астана)

Абдырахманов Толобек Абилович – доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент НАН КР (Кыргызская Республика, г. Бишкек)

Апендиев Тимур Акимханович – PhD, ассоциированный профессор, ведущий научный сотрудник Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова (Республика Казахстан, г. Алматы)

Гориценина Светлана Михайловна – доктор PhD, кандидат исторических наук; директор по исследованиям CNRS Eur'Orbem, UMR 8224, CNRS/Университет Сорbonны (Франция, г. Париж)

Исмагулов Оразак Исмагулович – доктор исторических наук, профессор, академик НАН РК, заведующий лабораторией физической антропологии Национального музея РК (Республика Казахстан, Астана)

Като Синдзи (Shinji Kato) – PhD (в области археологии), Национальный научно-исследовательский институт культурных ценностей в Наре (Япония, г. Нара)

Бирсель Каракоч, профессор тюркских языков, Уппсальский университет (Швеция, г. Уппсала)

Мионг Сун-ок – доктор антропологии, ассоциированный профессор (Корея, г. Сеул)

Козыбаева Махаббат Маликова – доктор PhD; ведущий научный сотрудник Института культуры и духовного развития «Алаш» Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева (Республика Казахстан, Астана)

Моррисон Александр – PhD, профессор NewCollege, Оксфорд (Великобритания, Оксфорд)

Мотузайте-Матузевиччюте Гидре – доктор археологии, профессор, руководитель Научного центра «Биоархеология» Вильнюсского университета, (Литва, г. Вильнюс)

Муминов Аширубек Курбанович – доктор исторических наук, арабист, профессор; консультант Генерального директора по организационной деятельности ОИК (Центральная Азия), (Турция, Стамбул)

Нурсан Алимбай – кандидат исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова (Республика Казахстан, г. Алматы)

Отенова Гульфира Елубаевна – доктор исторических наук, профессор Павлодарского педагогического университета им. А.Х. Маргулана (Республика Казахстан, г. Павлодар)

Оутрам Алан – доктор археологических наук, профессор департамента археологии и истории университета Эксетере (Великобритания, г. Эксетер)

Романова Екатерина Назаровна, руководитель Центра этнологических исследований Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера (ИГИ АН РС(Я)) (Российская Федерация, г. Якутск)

Рююсuke Оно – доцент, Центр перспективных гуманитарных исследований, Университет Васеда (Япония, г. Токио)

Сабитов Жаксылык Муратович – директор Научного института изучения Улуса Джучи, доктор PhD (Республика Казахстан, г. Астана)

Томохико Уяма – PhD, профессор Центра славянско-евразийских исследований университета Хоккайдо (Япония, г. Саппоро)

Финке Петер, доктор PhD, профессор Института Макса Планка, университет Цюриха (Швейцария, г. Цюрих)

Шотанова Галия Айтжановна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова (Республика Казахстан, г. Алматы)

Ответственный редактор

Абдулина Аксункар Турсуновна

Ответственный секретарь и редактор

Мурзаходжаев Куаныш Мадиевич

Научные редакторы:

Касымова Дидар Бейсенгалиевна

Черниенко Денис Аркадьевич

Досымбетов Нурлыбек Айдарбекович

Кубеев Рустем Джасулыбайuly

Техническое сопровождение

Зикирбаева Венера Сериковна

Копеева Сания Жуматаевна

EDITORIAL TEAM**Editor-in-Chief**

Kabuldinov Ziyabek Ermukhanovich – Doctor of Historical Sciences Professor, Academician of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, general Director of Valikhanov Institute of History and Ethnology (Republic of Kazakhstan, Almaty)

Editorial board members

Abil Erkin Amanzholovich – Doctor of Historical Sciences, Professor (Republic of Kazakhstan, Astana)

Abdyrakhmanov Tolobek Abilovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic (Kyrgyz Republic, Bishkek)

Apendiev Timur Akimkhanovich – PhD, associate professor, leading researcher at the Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology (Republic of Kazakhstan, Almaty)

Gorshenina Svetlana Mikhailovna – PhD, Candidate of Historical Sciences; Research Director of CNRS Eur'Orbem, UMR 8224, CNRS/Sorbonne University (France, Paris)

Ismagulov Orazak Ismagulovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, Head of the Laboratory of Physical Anthropology of the National Museum of the Republic of Kazakhstan (Republic of Kazakhstan, Astana)

Shinji Kato – PhD (Archaeology), Nara National Research Institute for Cultural Properties (Japan, Nara)

Birsel Karakoch – Professor of Turkic Languages, Uppsala University (Sweden, Uppsala)

Myong Soon-ok – PhD (Anthropology), Associate Professor (Seoul, Korea)

Kozybaeva Makhabbat Malikovna – PhD; Leading Researcher, Institute of Culture and Spiritual Development «Alash» of the L.N. Gumilyov Eurasian National University (Republic of Kazakhstan, Astana)

Morrison Alexander – PhD, Professor, New College, Oxford (United Kingdom, Oxford)

Motuzaite-Matuzevichute Gidré – Doctor of Archaeology, Professor, Head of the Scientific Center «Bioarchaeology» of Vilnius University, (Lithuania, Vilnius)

Muminov Ashirbek Kurbanovich – Doctor of Historical Sciences, Arabist, Professor; Consultant to the Director General for Organizational Activities of the OIC (Central Asia), (Turkey, Istanbul)

Nursan Alimbay – Candidate of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher at the Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology (Republic of Kazakhstan, Almaty)

Otepova Gulfira Elubayevna – Doctor of Historical Sciences, Professor at the A. Margulan Pavlodar Pedagogical University (Republic of Kazakhstan, Pavlodar)

Outram Alan – Doctor of Archaeological Sciences, Professor of the Department of Archaeology and History, University of Exeter (Great Britain, Exeter)

Romanova Ekaterina Nazarovna – Head of the Center for Ethnological Research, Institute for Humanitarian Research and Problems of Indigenous Peoples of the North (IHR RAS (Yakutia)) (Russian Federation, Yakutsk)

Ryuosuke Ono – Associate Professor, Center for Advanced Humanitarian Studies, Waseda University (Japan, Tokyo)

Sabitov Zhaksylyk Muratovich – Director of the Scientific Institute for the Study of the Ulus of Jochi, PhD (Republic of Kazakhstan, Astana)

Tomohiko Uyama – PhD, Professor, Center for Slavic-Eurasian Studies, Hokkaido University (Japan, Sapporo)

Finke Peter – PhD, Professor, Max Planck Institute, University of Zurich (Switzerland, Zurich)

Shotanova Galiya Aitzhanovna – Candidate of historical sciences, leading researcher at the Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology (Republic of Kazakhstan, Almaty)

Editor-in-Chief

Abdulina Aksunkar Tursunovna

Responsible Secretary and Editor

Murzakhodjaev Kuanysh Madievich

Scientific Editors:

Kasyanova Didar Beysengalieva

Chernienko Denis Arkadyevich

Dosymbetov Nurlybek Aidarbekovich

Kubeev Rustem Dzhaubayuly

Technical support

Zikirbaeva Venera Serikovna

Kopeeva Saniya Zhumataeva

Published in the Kazakhstan
Otan tarikhы
Has been issued as a journal
since 1998
ISSN: 1814-6961 (Print)
ISSN: 2788-9718 (Online)
2025. Vol. 28. Is. 4. Pp. 1215–
1229
Journal homepage:
<https://otan.history.iie.kz>

FTAXP / МРHTI / IRSTI 03.20
https://doi.org/10.51943/2788-9718_2025_28_4_1215-1229

РЕФОРМЫ ЖАНГИР-ХАНА

Мурат Гарифоллаевич Шолахов¹, Махсат Алпысбесұлы Алпысбес²

¹Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева
(д. 2, ул. Сатпаева, 010008, Астана, Республика Казахстан)
докторант PhD
<https://orcid.org/0009-0003-6468-9812>. E-mail: muri777@mail.ru

²Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева
(д. 2, ул. Сатпаева, 010008, Астана, Республика Казахстан)
доктор исторических наук, профессор
<https://orcid.org/0000-0001-5670-251X>. E-mail: alpysbes@gmail.com

© ИИЭ им. Ч.Ч. Валиханова, 2025
© Шолахов М.Г., Алпысбес М.А., 2025

Аннотация. *Введение.* Статья анализирует реформы Жангир-хана во Внутренней (Букеевской) Орде как попытку точечной модернизации кочевого общества в первой половине XIX в. Рассматриваются образовательные инициативы (создание ханского училища, подготовка детей у татарских мулл и в имперских учебных заведениях, поддержка религиозно-правовой литературы), медицинские меры (приглашение врача, организация фельдшерской помощи, элементарная санитарная профилактика) и фискально-административные преобразования (упорядочение поборов, освобождение беднейших хозяйств, попытка ввести учет). Цель статьи – на основе комплекса опубликованных и архивных материалов реконструировать содержание образовательных, медицинских, фискальных и административных реформ Жангир-хана и оценить, были ли они навязанным инструментом имперского контроля или попыткой внутренней модернизации и защиты интересов Внутренней (Букеевской) Орды. *Материалы и методы.* Источниковую базу исследования составляют российские письменные источники первой половины XIX в. Привлечены работы российских историков дореволюционного, советского и постсоветского периодов, в которых оценивается роль Жангир-хана и интерпретируются его реформы. В основе методологии лежат классические приемы внешней и внутренней критики источников, контекстуализация нормативных актов и управлеченческих практик во Внутренней Орде, сравнительное сопоставление разных типов источников (делопроизводственных, нарративных и научных). *Результаты.* Показано, что реформы Жангир-хана носили персоналистский характер и опирались прежде всего на его авторитет, а не на устойчивые институты: после его смерти фиксируются управлеченческий спад, слабость бухгалтерии и рост внутренних противоречий. Особое внимание уделяется конфликту вокруг Карагылжы Бабажанова и восстанию Исатая как проявлению кризиса доверия не столько к хану, сколько к его окружению и практике фаворитизма. *Заключение.* Сделан вывод, что ключевым ограничением проекта Жангир-хана стало отсутствие сформированной

военной опоры и кадровой меритократии, что не позволило конвертировать просветительский курс и фискальные новшества в устойчивую систему власти.

Ключевые слова: Жангир-хан, Букеевская Орда, реформа Жангира, реформы, ханское училище, исламизация, Карапулжака Бабажанов, Исатай Тайманулы, Махамбет, восстание Исатая, реформа Мэйдзи.

Благодарность. Настоящее исследование выполнено в рамках грантового проекта № AP26103999 «Комплексное изучение истории средневекового городища Сарайшык».

Для цитирования: Шолахов М.Г., Алпысбес М.А. Реформы Жангир-хана // Отан тарихы. 2025. Т. 28. № 4. С. 1215–1229. [на рус.]. DOI: 10.51943/2788-9718_2025_28_4_1215-1229

ЖӘҢГІР-ХАННЫҚ РЕФОРМАЛАРЫ

Мұрат Фарифоллаұлы Шолахов¹, Махсат Алпысбесұлы Алпысбес²

¹Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті
(Сәтпаев көш., 2-үй, 010008, Астана қ., Қазақстан Республикасы)
PhD докторанты
<https://orcid.org/0009-0003-6468-9812>. E-mail: muri777@mail.ru

²Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті
(Сәтпаев көш., 2-үй, 010008, Астана қ., Қазақстан Республикасы)
тарих ғылымдарының докторы, профессор
<https://orcid.org/0000-0001-5670-251X>. E-mail: alpysbes@gmail.com

© Ш.Ш. Уәлиханов атындағы ТЭИ, 2025

© Шолахов М.Г., Алпысбес М.А., 2025

Аннотация. *Kiриспе.* Мақала Жәңгір ханның Ішкі (Бекей) Ордасында жүргізген реформаларын XIX ғасырдың бірінші жартысындағы көшпелі қоғамды нүктелік түрде жаңғырту талпынысы ретінде талдайды. Зерттеуде білім беру бастамалары (хандық училищенің ашылуы, балаларды татар мұлдлерінде және империялық оқу орындарында оқыту, діни-құқықтық әдебиетті қолдау), медицина саласындағы шаралар (дәрігер шақыру, фельдшерлік көмек жүйесін ұйымдастыру мен мал саулығын қорғау, сондай-ақ фискалдық-әкімшілік өзгерістер (салық алымдарын ретке келтіру, кедей шаруашылықтарды салықтан босату, есеп жүргізу талпынысы) қарастырылады. *Мақаланың мақсаты* – жарияланған және архивтік материалдар кешеніне сүйене отырып, Жәңгір ханның білім беру, медицина, фискалдық және әкімшілік реформаларының мазмұнын реконструкциялау, сондай-ақ олардың империялық бақылаудың күштеп енгізілген құралы болған-болмағанын немесе Ішкі (Бекей) Орданың мұдделерін қорғауға және ішкі жаңғыртуға бағытталған әрекет болғанын бағалау. *Материалдар мен әдістер.* Зерттеудің деректік негізін XIX ғасырдың бірінші жартысына жататын ресейлік жазба дереккөздер құрайды. Сонымен қатар, Жәңгір ханның рөлін бағалап, оның реформаларын интерпретациялытын революцияға дейінгі, кеңестік және посткенестік кезеңдердегі ресейлік тарихшылардың еңбектері тартылды. Әдіснамалық негізін дереккөздерге сыртқы және ішкі сыйның классикалық тәсілдері, Ішкі Ордадағы нормативтік актілер мен басқару практикаларын контекстуализациялау, сондай-ақ дереккөздердің әртүрлі типтерін (іс жүргізу құжаттары, наративтік және ғылыми деректер) салыстырмалы түрде талдау құрайды. *Нәтижелер.* Жәңгір ханның реформалары тұрақты институттарға емес, көбіне оның жеке беделіне сүйенгені көрсетіледі: хан қайтыс болғаннан кейін басқару әлсіреп, есеп жүргізу жүйесінің әлсіздігі мен ішкі қайшылықтардың өсуі байқалды. Ерекше назар Карапулжака Бабажанов тұлғасы төңірегіндегі дауға және Исатай Тайманұлы бастаған көтеріліске аударылады. Бұл жағдайлар қарсыластықтың тікелей ханға ғана емес, оның айналасындағы фаворитизм тәжірибесіне бағытталғанын көрсетеді. *Корытынды.* Мақала Жәңгір хан жобасының негізгі шектеуі – дербес әскери тіректің және меритократиялық кадр саясатының болмауы, сондықтан ағартушылық және фискалдық бастамалар толыққанды билік жүйесіне айнала алмағаны туралы қорытынды жасайды.

Түйінді сөздер: Жәнгір-хан, Бекей Ордасы, Жәнгір реформасы, реформалар, хандық училище, исламдандыру, Карапылқожа Бабажанов, Исадай Тайманұлы, Махамбет, Исадай көтерілісі, Мәйдзи реформасы.

Алғыс. Бұл зерттеу № AP26103999 нөмірлі «Сарайшық ортағасырылық қалашығын кешенді зерттеу» гранттық жобасы аясында орындалды.

Дәйексөз үшін: Шолаков М.Ғ., Алпысбес М.А. Жәнгір-ханның реформалары // Отан тарихы. 2025. Т. 28. № 4. 1215–1229-бб. [орыс]. DOI: 10.51943/2788-9718_2025_28_4_1215-1229

THE REFORMS OF ZHANGIR KHAN

Murat Garifollaevich Sholakhov¹, Maksat Alpysbessuly Alpysbes²

¹L.N. Gumilyov Eurasian National University
(2 Satpayev Str., 010008, Astana, Republic of Kazakhstan)
PhD Doctoral Candidate
<https://orcid.org/0009-0003-6468-9812>. E-mail: muri777@mail.ru

²L.N. Gumilyov Eurasian National University
(2 Satpayev Str., 010008, Astana, Republic of Kazakhstan)
Doctor of Historical Sciences, Professor
<https://orcid.org/0000-0001-5670-251X>. E-mail: alpysbes@gmail.com

© Ch. Ch. Valikhanov IHE, 2025
© Sholakhov M.G., Alpysbes M.A., 2025

Abstract. *Introduction.* This article examines the reforms of Jangir Khan in the Inner (Bukey) Horde as an attempt at targeted modernization of a nomadic society in the first half of the nineteenth century. It analyzes his educational initiatives (the establishment of the khan's school, the training of Kazakh children under Tatar mullahs and in imperial institutions, and the support of Islamic legal literature), his medical measures and his fiscal-administrative restructuring (rationalizing levies, exempting the poorest households, and attempting to introduce accounting). *The purpose of the article* is to reconstruct, on the basis of a body of published and archival materials, the substance of Jangir Khan's educational, medical, fiscal, and administrative reforms and to assess whether they represented an imposed instrument of imperial control or an attempt at internal modernization and the protection of the interests of the Inner (Bukey) Horde. *Materials and methods.* The source base of the study consists of Russian written sources from the first half of the nineteenth century. The study also draws on the works of Russian historians of the pre-revolutionary, Soviet, and post-Soviet periods, which assess the role of Jangir Khan and interpret his reforms. The methodology is grounded in classical approaches of external and internal source criticism, the contextualization of normative acts and administrative practices in the Inner Horde, and the comparative analysis of different types of sources (bureaucratic records, narrative sources, and scholarly works). *Results.* The study argues that these reforms were highly personal and rested on Jangir Khan's own authority rather than on stable institutions: after his death, governance weakened, bookkeeping proved fragile, and internal tensions increased. Particular attention is given to the conflict surrounding Karaulykhoja Babazhanov and to the uprising of Isatay Taimanuly as expressions of a crisis of trust directed less against the khan himself than against his entourage and the practice of favoritism. *Conclusions.* The article concludes that the key structural limitation of Jangir Khan's project was the absence of a consolidated military base and a merit-based cadre system, which prevented his educational and fiscal innovations from hardening into a durable architecture of governance.

Keywords: Jangir Khan, Bukey Horde, Jangir's reforms, reforms, khan's school, Islamization, Karaulykhoja Babazhanov, Isatay Taimanuly, Makhambet, Isatay's uprising, Meiji Reform.

Acknowledgments. This research was carried out within the framework of the grant project № AP26103999 «Comprehensive Study of the Medieval Site of Saraishyq».

For citation: Sholakhov M.G., Alpysbes M.A. The reforms of Zhangir khan. Otan Tarihy. 2025. Vol. 28. No 4. Pp. 1215–1229. [in Russian]. DOI: 10.51943/2788-9718_2025_28_4_1215-1229

Введение. Реформы Жангир-хана во Внутренней (Букеевской) Орде – это не только локальный сюжет истории казахской степи первой половины XIX в., но и показательный пример того, как кочевое общество пыталось приспособиться к давлению имперской модели управления, не утратив собственной структуры и норм степной политики. Правление Жангир-хана (1801–1845) приходится на период усиливающегося контроля России, внутренних социальных противоречий и хозяйственного кризиса (сокращение поголовья скота, нехватка пастбищ, климатические риски).

В этих условиях ханская власть оказалась перед дилеммой: либо сохранять привычные формы степного управления, рискуя потерять поддержку имперского центра, либо проводить селективные реформы, повышающие управляемость Орды и ее «понятность» для российской администрации. Жангир-хан выбрал второй путь, стремясь усилить ханскую ставку и одновременно продемонстрировать лояльность Оренбургу. В его политике постепенно вырисовываются несколько направлений — просветительское, медицинское, фискально-административное, — однако на уровне источников еще не очевидно, воспринимал ли он этот курс как целостный «проект модернизации» или как серию ситуативных решений.

Контекст первой половины XIX в. — усиление пограничного контроля, рост долговой зависимости, конкуренция чингизидских линий, конфликты вокруг распределения пастбищ — делал любые реформы политически уязвимыми. Уже современники отмечали напряженность вокруг фигуры Карапылқожи и недовольство частью родоправителей концентрацией власти при ханской ставке. Эти факторы в дальнейшем проявились в восстании Исатая, но в данном исследовании они рассматриваются прежде всего как индикаторы пределов реформаторского курса Жангир-хана. Таким образом, введение задает общий проблемный контекст: как именно сочетались имперское давление, внутриродовые балансы и культурно-нормативные представления степи о «правильной власти», и в каких пределах реформы Жангир-хана могли быть восприняты как легитимные его поданными и имперской администрацией.

Цели и задачи. Цель статьи — на основе комплекса опубликованных и архивных материалов реконструировать содержание образовательных, медицинских, фискальных и административных реформ Жангир-хана и оценить, были ли они навязанным инструментом имперского контроля или попыткой внутренней модернизации и защиты интересов Внутренней (Букеевской) Орды.

Задачи: описать основные направления реформ Жангир-хана (административные, судебные, налоговые, земельные); выявить, какие элементы этих реформ исходили из требований имперских властей, а какие представляли собой инициативу самого Жангира, направленную на удержание управляемости и стабилизации внутри Орды; проанализировать, как эти реформы воспринимались различными группами внутри степного общества (родовая элита, аульное население), включая обвинения в несправедливости, нарушении чести и «продаже земли»; сопоставить официальное имперское описание Жангира как «лояльного администратора» с позднейшими интерпретациями (в том числе обвиняющими его в пророссийской ориентации) и показать, насколько эти оценки соответствуют фактическим управленческим действиям; определить, в какой мере Жангир может рассматриваться как модернизатор степного управления и права, и в какой мере как посредник между имперской административной моделью и внутренними нормами степи.

Материалы и методы. Источниковую базу исследования составляют, во-первых, российские письменные источники первой половины XIX в.: делопроизводственные материалы Оренбургской пограничной комиссии, переписка ханской канцелярии с имперскими структурами, рапорты военных и гражданских чиновников о положении во Внутренней (Букеевской) Орде. Часть этих документов известна по опубликованным сборникам, частично используются архивные материалы Центрального государственного архива РК, Государственного архива Саратовской области.

Во-вторых, привлекаются работы российских историков дореволюционного, советского и постсоветского периодов, в которых оценивается роль Жангир-хана и интерпретируются его реформы. Имперские делопроизводственные источники и более поздняя историография сопоставляются между собой с учетом их институциональной и идеологической предвзятости: официальные документы стремятся представить хана как лояльного и управляемого администратора, тогда как историографическая традиция колеблется между образом «проводника российской политики» и pragmatичного степного реформатора.

Методологически исследование опирается на классические приемы внешней и внутренней критики источников, контекстуализацию нормативных актов и управленческих практик во

Внутренней Орде, а также на сравнительное сопоставление разных типов источников (делопроизводственных, нарративных и научных).

Обсуждение. Исследования, посвященные жизни и деятельности Жангир-хана, имеют давние традиции. Ряд публикаций появился еще во второй половине и в конце XIX в. [Харузин, 1889/2023; Иванов, 1895/2016]. Личность хана рассматривалась в контексте колониальной политики Российской империи, истории Букеевской Орды, социально-экономических изменений в казахском обществе, народно-освободительного движения и др. В отношении Жангира в историографии сложились полярные оценки – его считали либо реформатором, либо, наоборот, хранителем прежних порядков. Значимые с научной точки зрения и до сих пор актуальные по своим оценкам труды появились в советский период [Досмұхамедұлы, 1991 (первая публикация 1926 г.); Рязанов, 1991 (первая публикация 1927 г.); Зиманов, 1982]. Значительный интерес представляют сведения, представленные в работах казахстанских исследователей периода независимости [Кенжетаев, 1995; Бадрутдинова М.Ш., Галимуллина Г.Х., 2013; Абжаппарова М.Т., Шотбакова Л.К., 2016; Ишмухамбетов, 2016; Ермекбай, 2017]. Сегодня благодаря доступности большого корпуса опубликованных и архивных документов имеется возможность проводить объективное изучение личности Жангир-хана, не прибегая к жестким односторонним выводам. Важное значение имеет большой массив документов о деятельности Жангир-хана, опубликованный в сборнике «История Букеевского ханства» [История Букеевского ханства, 2002].

Результаты. Жангир получил русское образование: учился в Букеевской Орде, затем в Астрахани, в доме астраханского губернатора А.П. Андреевского, и Петербурге. Владел русским, татарским, персидским, арабским и несколькими европейскими языками. Как просветитель он открыл первую светскую школу и настаивал на пользе естественных наук и подготовке «своих» лекарей. Его ориентиром была Казань – университетский центр, к которому относилась Букеевская Орда. В октябре 1826 г. Жангир посетил Казань, осмотрел университет (библиотеку, нумизматическое собрание, кабинеты естествознания) в сопровождении ректора К.Ф. Фукса и ассистента К. Казембекова и выразил желание обучать там сыновей и родственников. Реализовать это тогда было невозможно: лишь устав 1863 г. разрешил мусульманам, окончившим гимназии, поступать в Казанский университет на любые факультеты [Кенжетаев, 1995: 254]. В этом смысле Жангира корректнее сравнивать не с раннесуверенными ханами степи, а с поздними лиминальными правителями, существовавшими на границе распада собственного политического пространства и включения его в более крупную империю, например, с Шахином Гиреем в позднем Крымском ханстве или с Пу И (Aisin-Gioro Puji) в Маньчжурии XX в. Как и они, Жангир сочетал риторику лояльности метрополии с проектом внутренней модернизации и попыткой сохранить хотя бы минимальную субъектность собственного общества. Именно эта двойственность – а не простая «пророссийскость» – стала источником его последующей репутации как спорной и морально неоднозначной фигуры. Жангир не действовал в условиях свободного выбора между несколькими равноценными внешними покровителями. У него, по сути, не было реальной альтернативы, кроме опоры на Россию. Это связано с geopolитической конфигурацией начала XIX в.

Во-первых, Внутренняя (Букеевская) Орда находилась внутри орбитального пространства Российской империи – территориально, административно, экономически. Она уже была признана и легализована именно через российскую власть, а не как независимое ханство. Это означает, что сам статус Жангира как хана формально подтверждался и поддерживался Петербургом. Потеря этой опоры означала бы не «суверенитет», а вакуум власти.

Во-вторых, другие возможные центры силы, с которыми казахские элиты раньше могли играть – Хивинское ханство, Бухарский эмират, Османская империя – к тому моменту не могли предложить ни военной защиты на уровне регулярной армии, ни стабильного юридически оформленного покровительства, ни доступа к имперским институтам (школа, медицина, администрирование). Более того, Хива и частично Бухара сами рассматривались в России как угрозы приграничной стабильности. Любая попытка Жангира сблизиться с ними интерпретировалась бы уже как измена и немедленно спровоцировала бы прямое силовое вмешательство России.

В-третьих, в отличие от восточноевропейских и балканских ситуаций XVIII–XIX вв., где существовали конкурирующие имперские интересы (Османская империя, Австрийская империя, Россия, позднее Британия), у Внутренней Орды не было «второго патрона», которого можно было бы противопоставить российскому давлению дипломатически. Это не Польша, у которой были европейские союзники, и не Маньчжурия времен Пу И, где вмешивалась Япония; это степное

пространство, фактически окруженное и контролируемое из Оренбурга и Астрахани. То есть модель «балансировать между державами» физически не работала.

Поэтому говорить о Жангире как о человеке, который «выбрал Россию», – методологически неточно. Правильнее сказать: он оказался встроен в единственный доступный политико-административный каркас – российский. Его попытки реформ (налоги, суд, школа, медицина, упорядочение земель и перекочёвок) нужно понимать не как добровольную европеизацию по западноевропейскому образцу, а как управляемую адаптацию степного общества к единственной силе, которая реально определяла правила. Сравнение с «европейскими государствами» в широком смысле здесь некорректно, потому что Жангир не был полновластным монархом, ведущим внешнюю политику; он был пограничным правителем внутри имперской зоны влияния и действовал в логике сохранения максимально возможной автономии в рамках уже заданной зависимости.

Жангир, действуя как наместник императора и проводник колониальной политики, укреплял собственную власть, что вызвало протест и восстание под руководством Исатая Тайманова и Махамбета Утемисова. В то же время он запомнился как реформатор, чьи инициативы в целом получили положительный отклик у части казахского общества [Ермекбай, 2017: 128]. Нельзя однозначно обвинять хана Жангир в «пророссийской позиции». Такое упрощение делает его фигурой пассивного коллаборатора, что исторически неточно. Его политические решения следует рассматривать не как сознательное предательство интересов степи, а как pragматическую – во многом интуитивную – попытку обеспечить выживание и стабильность подвластного ему сообщества в условиях усиливающегося давления со стороны Российской империи. В его логике это была не смена лояльности, а стратегия минимизации риска для народа.

Для аналитической ясности разделим инициативы Жангира на пассивные (культурно-институциональные) и активные (ресурсно-административные). К первым относятся приглашение мулл и поддержка образования; ко вторым – перераспределение земель и курс на оседлость. Пассивные меры наращивали символический и человеческий капитал, тогда как активные, затрагивая права пользования ресурсами, усиливали рентные перекосы и социальные трения, кульминировавшие, среди прочего, в выступлении Исатая Тайманова и Махамбета Утемисова.

«Предание моей родословной передает цепочку: Мурат – Гарифолла – Зейнолла – Шолак – Султантемір – Кондыбай. По тому же преданию, мой прадед Кондыбай-шешен из Беріш–Себек обратился к хану Жангирю с просьбой направить детей на обучение исламской теологии в Казань; среди них был Ахон Хазрат, сын брата Кондыбая» [Капиз, 2008: 31]. Жангир понимал значение образования и направлял детей учиться в Казань – фактически без альтернатив. Именно казанские татары были ближайшим и наиболее доступным центром исламской учености, территориально расположенным рядом и компетентным в религиозных дисциплинах. При этом его участие в подавлении выступления Исатая и Махамбета – батыров того же рода Беріш-Жайық – обусловило неоднозначную оценку его фигуры: для нас он предстает жестким противником повстанцев для нашего рода, для других – решительным реформатором.

Образовательная политика Жангир-хана опиралась на аульные мектебы при мечетях: ради этого строились новые мечети и приглашались муллы из Казани и Оренбурга. По его указанию муллы должны были, помимо ислама, преподавать детям русский язык, но выпускники таких мектебов показывали слабую подготовку и «совсем не были пригодны для продолжения учебы в школах российских губерний» [Зиманов, 1982: 141]. По его инициативе открывались мектебы и медресе; детей направляли учиться в Астрахань, Саратов, Казань, а в Неплюевском кадетском корпусе в Оренбурге по его ходатайству выделили 10 мест для выходцев из Внутренней Орды. При его участии были организованы медицинские отделения и аптека, созданы архив и музей, а также составлена карта ханства [Абжаппарова, Шотбакова, 2016: 126].

По поручению и на средства Жангир-хана А. Казем-Бек подготовил и издал труд «Мухтесероль викгает» («Сокращенное законоведение», 1845). Казем-Бек называл Жангира покровителем науки и просил посвятить ему книгу. Жангир выступал не только заказчиком, но и редактором: внес поправки, дал комментарии по мусульманскому праву (ханафитскому мазхабу). За поддержку просвещения, знание восточных языков и внимание к Казанскому университету учений совет по представлению Ф. Эрдмана и при поддержке ректора Н.И. Лобачевского 29 мая 1844 г. избрал Жангир-хана почетным членом университета. Это решение утвердил министр С.С. Уваров при одобрении императора Николая I. Сам Жангир обещал помогать университету рукописями и восточными монетами через связи с Бухарой. Его канцелярию возглавлял выпускник Казанского университета Г. Матвеев; для

детей он пригласил английского учителя Г. Холла с женой. Летом 1845 г. Жангир готовился к личной встрече с Николаем I; однако перед отъездом он был найден мертвым в своей юрте, в крови, Фатимой-ханым [Бадрутдинова, Галимуллина, 2013: 115–116].

Жангир-хан не предпринял системной реформы костюма. Его личное ношение имперского мундира отражало политическую лояльность и статус, но не сопровождалось навязыванием европейского платья подданным. Казахское население продолжало придерживаться традиционных форм одежды.

Кадрово-интеграционная реформа. Администрация царя, опасаясь волнений в Орде во главе с Кайыпкали Есимовым, в 1827 г. учредила при хане Жангире Ханский совет из двенадцати биев, совет с 1 апреля 1828 г. приступил к работе. В состав Ханского совета вошли Алтай Досмұхамедов (из рода алаша), Құдайберген Қенжебаев (тана), Бос Боздақов (кете), Құнажан Сапақов (байбақты), Шомбал Ниязов (ногай), Құшатар Мойнақов (жаппас), Мұсіреп Айдаболов (шеркеш), Шора Қидайов (масқар), Жаутұр Ақтанов (қызылқұрт), Балқы Құдайбергенов (беріш). По указу Жангир-хана при Ханском совете должны были служить также двенадцать старшин [Иванов, 2016]. Стремясь сохранить баланс внутри союза байулы, Жангир-хан сформировал совет таким образом, чтобы в него входили бии, представлявшие все основные родовые подразделения байулы. Включение представителей родов союза байулы, а также рода кете как представителя алимулы в общий совещательный орган означало, что решения, исходившие от ханской ставки, могли предъявляться не как частное распоряжение Жангир-хана или имперской администрации, а как коллективно санкционированная воля всего алшынского союза — байулы и алимулы. Возможно, его мировоззрение и практика были близки к тому, что позднее стали называть джадидизмом, хотя сам он этого термина не употреблял, поскольку понятие «джадидизм» оформилось позже.

Жангир-хан не мог в полной мере доверять толенгутам, поскольку они к тому моменту уже были глубоко влитой частью социальной ткани Младшего жуза; их лояльность была распределена шире, чем только ханская ставка. В то же время ногай-казахи, остававшиеся в Орде относительно «пришлой» группой, фактически формировали ближнюю опору Жангира [Ишмухамбетов, 2016: 41–42]. В ряде источников утверждается, что мать Исатай-батыра была из ногай-казахов [Ишмухамбетов, 2016: 41–42], хотя родовое предание беришевого круга настаивает, что она происходила из рода есентемир. Для Букеевской Орды были характерны взаимные браки между казахами и ногай-казахами, тогда как южнее такие союзы считались редкими. Это согласуется с политикой Жангир-хана, который стремился не просто использовать ногай-казахов как службу при ставке, но включить их в родоплеменную ткань Орды. Для самих ногай-казахов такая интеграция была выгодной: казахская среда была культурно близка, а общее литературное наследие Ногайской Орды давало возможность перенести и закрепить собственный престижный словесный пласт внутри казахского корпуса.

В контексте кадрово-интеграционных реформ внимание привлекает политика Жангир-хана: он целенаправленно окружал себя новыми служилыми группами и стремился интегрировать ногайцев в казахское общество. В ногай-казахских преданиях Жангир-хан предстает благодетелем, щедро одарившим род землей и приблизившим его к себе; ему же приписывают и первое введение самоназвания «ногай-казах». Один из ключевых мотивов этих преданий — память о службе хану «в гвардейцах» [Ишмухамбетов, 2016: 44]. Ногай-казахские группы, несмотря на их близость к ханскому центру и символическую роль «служилого окружения», в реальности не составляли устойчивой и боеспособной военной опоры. Их численность, организация и вооружение не соответствовали задаче силовой защиты ставки. В большей степени они были ориентированы на дворцовую службу, а не на полевое военное действие. И, возможно, Жангир изначально не рассматривал их как военную силу.

За службу Жангиру и его отцу ногай-казахи долго пользовались благоволением хана и его наследников; помимо бия Шомбала Ниязова, особое положение при дворе получали и другие [Уалиев, 2003: 15]. С одной стороны, ногай-казахи демонстрировали повышенную лояльность ханской власти — сказывался «эффект пришлости»: за покровительство и дары хана они ощущали интеграцию в казахский социум. С другой стороны, для них было привычным соседство и служба чингизидам: так, ногайцы-юртовцы служили астраханскому хану Жанибеку. Именно при Жангире толенгуты окончательно интегрировались в казахский социум. Н.Н. Харузин отмечал, что казахи помнят происхождение толенгутов и сажают их ниже представителей других родов; однако, несмотря на это, не проявляют к ним презрения, выдают за них дочерей и сами берут их дочерей в жены [Харузин, 2023: 33–34]. Сам Жангир не мог опереться на достаточно образованный и нравственно устойчивый кадровый корпус. Для проведения реформ ему не хватало добросовестных исполнителей.

В имперской административной литературе причины волнений в Букеевской Орде нередко объяснялись «ментальностью народа». Так, приводится характеристика 1830 г.: «народ киргизский, чуждый всякого гражданского благоустройства, не привыкший к постоянной жизни и ставящий свободу и независимость выше всякого блага, имеет наклонность к неповиновению и возмущается при всяком удобном случае» [Иванов, 2016: 32]. Кочевники, привыкшие к устоявшемуся порядку, воспринимали нововведения как отступление от традиции. С одной стороны, следует отдельно рассматривать приглашение татарских мулл как инструмент дальнейшей исламизации. Жангир, позиционируя себя наследником Улуса Джучи, стремился консолидировать казахские группы тюрко-монгольского происхождения, а также ногайцев и исламизированных татар, фактически формируя «государство внутри государства». Жангира можно назвать локальным аналогом Берке/Узбека в части патронажа исламских институтов, но его политика протекала в колониальных рамках и не достигала масштаба шариатизации улуса Джучи. При Жангире усилилась исламизация казахов, которые «прежде почти не знали ислама», и хан «собрал целую армию мулл». При этом он характеризовал мулл как «наиболее безнравственный и вредный для русского правительства слой населения в Орде», – оценка, отражающая риторику и предвзятость имперской эпохи. Впоследствии русские администраторы стали рассматривать укрепление ислама и автономные устремления Жангира как потенциальную угрозу. Одним из первых об этом писал А.Е. Алекторов (четырежды цитируя Веселовского): по его словам, десятки и сотни беглых татар, уклонявшихся от воинской службы, приписывались ханом к казахским обществам, и вместе с ними «разносилась вражда ко всему русскому». А.Е. Алекторов предупреждал: упрочение ислама усиливает отчуждение от русских; при этом он признавал и практические ограничения – недостаток мечетей и мулл, трудности соблюдения пятиразовой молитвы в кочевом быту. В его логике, если ислам в Орде не окрепнет, то не окрепнет и отчуждение казахов от русских [Иванов, 2016: 41–42]. Несмотря на то что Жангир-хан как представитель интеллектуальной и аристократической элиты поддерживал продуктивные связи с просвещенными кругами Российской империи, часть имперских акторов относились к перспективе усиления Букеевской Орды настороженно. Подобная позиция коррелировала с имперской парадигмой управляемости, в которой предпочтение отдавалось поддержанию зависимости периферийных сообществ и их постепенной культурно-административной ассимиляции.

Хронический кадровый дефицит делал реформы Жангир-хана уязвимыми с самого начала. Нехватка подготовленных администраторов вынуждала хана опираться на узкий круг родичей и приближенных, совмещавших в своих руках судебные, фискальные и земельно-распорядительные функции. Такая концентрация полномочий открывала широкий простор для злоупотреблений – от произвольного взимания поборов до манипуляций пастбищными ресурсами, – причем именно эти злоупотребления в массовом восприятии отождествлялись с «реформами» хана. В результате кадровый голод выступал не просто технической проблемой управления, а ключевым фактором, который спровоцировал народное возмущение и стал одним из непосредственных катализаторов открытого протesta против ханской ставки. **Политика и реформа седентаризации.** Жангир первым задал во Внутренней Орде образец домообустройства, побудив родоначальников и старшин оседать на зимовках. По преданию, толчком стал брак с Фатимой (1824). Осознав неудобства кибитки для супруги, привыкшей к оседлой жизни, он добился высочайшего пособия (до 10 тыс. руб., 1826) на устройство постоянного жилища. Осенью 1826 г. в Рын-Песках поставили первый деревянный дом; в 1827–1828 гг. был возведен большой дом с флигелями. Пример хана подхватили и другие султаны, что привело к формированию Ханской Ставки (Китары) [Иванов, 2016: 35]. Возможно, решающий импульс Жангир получил от своей умной супруги, привыкшей к оседлому городскому быту. Таким образом казахский чингизид впервые приобщался к практике оседлости через посредство татарской культуры.

Несмотря на усилия Жангира по переходу к оседлости, экономическая база казахского общества оставалась пастбищно-скотоводческой. В этих структурных условиях формирование полноценно оседлого государства было практически недостижимо.

В первые годы развитие ханской Ставки шло медленно, с 1342 г. начался быстрый рост, и к 1346 г. уже насчитывалось 89 домов, из них 41 принадлежал простым киргизам (казахам). Уже тогда можно говорить примерно о 1000 зимовых домов и землянок. Во Внутренней Орде зимой кочующих киргизов не было; их корректнее считать полуоседлыми, а не кочевниками [Иванов, 2016: 39]. По свидетельству И.И. Железнова, казахи резко отвергали переход к оседлости и пытались откочевывать за Урал, но были удержаны силой. Они не желали менять подвижную юрту на избу или землянку и

связывали оседлость с крестьянской и военной обязанностью; к последней, по его словам, не испытывали ни интереса, ни склонности [Иванов, 2016: 39]. По наблюдениям А. Вамбери, у казахов городские жители представлялись «больными» и «безумными», тогда как сочувствие вызывали «все, кто не имеет монгольских черт лица» [Вамбери, 2006: 225]. Жилищный проект Жангир-хана – в ряду землянок и изб – не становился для степняков привлекательным образцом: перед ними была не фортификация и не «замок», а символический шаг к оседлости, к которому кочевое общество адаптировалось с трудом. При ограниченной фискальной базе и дефиците технической экспертизы возможности реализации оставались узкими. Несмотря на знакомство Жангира с европейской архитектурой и дворцовыми ансамблями и его стремление перенести отдельные принципы на степную почву, как и в опыте астраханских чингизидов и ногайской знати, проект упирался в нехватку квалифицированных кадров, слабость инженерной подготовки и финансовые ограничения.

Поскольку хан Жангир был мусульманином и состоял в браке с дочерью Оренбургского муфтия, он задумал построить в Ставке мечеть. Эту инициативу одобрил П.К. Эссен. До Жангира у казахов насчитывалось около 15 мулл с посредственной подготовкой. Хан пригласил нескольких татарских богословов, известных ученоостью и знанием канонических норм, одного из них назначил ахуном. В дальнейшем он поручил татарскому имаму проводить экзамены и по их результатам утверждать казахов на должности мулл [Иванов, 2016: 41–42]. Постепенно Жангир осознал, что строительство мечетей может стимулировать переход к оседлости. Для коллективного намаза община должна постоянно находиться вблизи молитвенного сооружения. Тем самым религиозная инфраструктура могла способствовать закреплению полуоседлого и оседлого образа жизни. Кочевым узбекам – шибанидам тюрко-монгольского происхождения – пришлося выстраивать кооперацию с оседлым населением Трансоксианы. Аналогично Жангир был вынужден опираться на оседлых казанских татар как на проводников исламизации. Принципиально важно помнить, что казахское общество к началу XIX в. уже самоосознавало себя как мусульманское. Принадлежность к исламу была частью коллективной идентичности, связанной с понятием адалдық, честью рода, нормами брака, наследования, погребального обряда и т.д. То есть ислам не был «привнесен» извне при Жангире. Роль татарских ученых и мулл во Внутренней (Букеевской) Орде заключалась не в обращении казахов в ислам, а в укреплении институциональных форм ислама – прежде всего в развитии шариатского образования, введении более системного обучения письму, фикху, чтению Корана и хадисов, а также в оформлении религиозно-судебной практики. При Жангире это воспринималось как элемент упорядочивания внутренней жизни Орды и легитимации власти через религиозно признанную норму, а не как «татаризация» или подмена казахской традиции.

Наиболее негативный образ Жангира сформировал Х. Досмухамедов из рода бериш (подрод жайық, руководитель восстания Исадай также принадлежал к тому же роду и подроду), который отмечал, что при правлении Жангира появились непонятные для казахов налоги – садака, пітір, ғұшыр и другие религиозные сборы; казахские судебные споры – жер дауы, жесір дауы – все чаще решались по шариату, а многие муллы были не казахами, а выходцами из ногайцев, естеков, мишарей, тептярей и пришлых сартов [Досмухамедұлы 1991: 57]. В казахском обществе велась тщательная родословная фиксация (шежире), что подчеркивало родовую идентичность и в ряде случаев формировало настороженное отношение к внешним группам. Хотя в Улусе Джучи все перечисленные оседлые и полукочевые группы ногайцев проживали в одном государстве, к моменту окончательного формирования казахской нации казахи уже не принимали пришлые группы и их влияние на хана. Кочевые узбеки, напротив, были вынуждены сотрудничать с сартами, включив их в собственный этногенез; казахи, в отличие от них, сопротивлялись подобным изменениям и отвергали реформы. Жангир не мог опереться на казахов как на строителей и имамов, поскольку те отвергали любые нововведения, хотя было и множество исключений. При этом некоторые группы манипулировали исламом и использовали его в корыстных целях.

В результате Жангир столкнулся с хроническим кадровым голодом практически во всех сферах. Даже у имамов нередко было посредственное богословское образование. С одной стороны, Жангир понимал значимость казахов и пытался обучить их через татарских мулл, чтобы ослабить кадровый дефицит. Жангир проводил политику просвещения «киргизов», направляя молодых людей на обучение к наиболее авторитетным татарским муллам Оренбурга [Иванов, 2016: 43]. Х. Досмухамедов, деятель Алаш-Орды и яркий представитель казахской интеллигенции, будучи казахским националистом, отнесся к Жангир-хану и его реформам с недоверием, видя в нем интегратора и проводника интересов Российской империи. Его книга «Аламан» написана

субъективно: автор не всегда видел объективные причинно-следственные связи, однако обвинять его в этом нельзя. Напротив, благодаря Х. Досмухамедову мы можем взглянуть на фигуру Жангира более многогранно. В Букеевской Орде экономика была слабой, поступления в казну – незначительными. Ее хозяйственный потенциал можно считать сопоставимым с Сибирским ханством или даже ниже. Грандиозные планы Жангир-хана требовали огромных средств, поэтому ему приходилось «подкупать» землей некоторых родственников и подданных, а также повышать налоги. Его масштабные замыслы народ фактически не понимал, что вызывало у Жангир-хана раздражение, тревогу и разочарование. Многие рода отвернулись от него, и в итоге он повел себя неосторожно в политике по отношению к Исатаю.

Образовательные реформы. В 1826 г. Жангир в беседе с профессором К.Ф. Фуксом заявил о необходимости «вывести наших киргизцев из дикого состояния» посредством обучения и инициировал проект открытия училища в Орде. В 1830 г. он приступил к хлопотам о строительстве школьного дома; в сентябре 1831 г. последовало официальное обещание ведомственной поддержки [Иванов, 2016: 41–42]. К такому решению Жангир пришел не сразу: первоначальный замысел предусматривал немедленную отправку казахов в Неплюевское училище. Между тем обучаемость индивидуальна: у одних есть выраженная склонность к учению, у других – нет. В своей поспешности хан этого обстоятельства не принял во внимание. В 1839 и 1844 гг. фонд ханской библиотеки Жангира был пополнен рядом уникальных рукописей на персидском, арабском и турецком языках: «История монгольских ханов 761–951 (1359/1360–1544/1545) гг.» Мирзы Хайдера (перс.); персидский словарь «Медарюли-афазиль», составленный Феизгим; «История первых халифов» Мухаммеда бен Ахмеда (прозв. Мюстуфи) на персидском языке; «История народов» Хамзы бен аль-Хасана Исфахани (сост. в 350 г. х./961 г.; араб.); «Книга объяснений связей и толкования» – медицинское сочинение Нефиза бен Ауза на персидском языке (1073 г. х./1662–1663 гг.); а также «Книга умозаключений наук» – историко-философский трактат на турецком языке [История Букеевского ханства, 2002: 417].

Однако, как указывал астраханский военный губернатор И.С. Тимирязев в письме от 26 апреля 1841 г. (№ 1985), ускоренное переведение молодых степняков к оседлой жизни в более суровом климате оказалось неразумным: опыт с бурятами, мусульманами Башкирии и калмыками Астраханского края показал низкую выносливость к климату, укладу и привычкам. Дополнительно, интерпретации неудач «оставшимися на родине» как следствия беспорядка лишь подрывали доверие к просветительским инициативам. В этих условиях Жангир принял решение открыть училище в самой Орде [Иванов, 2016: 48]. Скорее всего, позиция И.С. Тимирязева вызывает сомнения: казахи, буряты, башкиры и калмыки изначально жили в не менее суровых, а порой и более тяжелых условиях, поэтому его аргумент о «непосильном климате» выглядит спорным. Его сомнения могли быть рациональны не из-за «суровости» как абстрактного фактора, а из-за комплекса практических рисков при быстром и внешнем (вне Орды) переводе к новому укладу. В 1841 г. Жангир открыл в Орде училище и в письме от 10 октября 1841 г. обосновал его необходимость императору: грамотность и знания нужны для изучения шариата, для службы и для защиты прав; невежество ведет к обманам и проволочкам; государь открыл киргизам доступ к Оренбургскому кадетскому корпусу и петербургским учебным заведениям; отличившиеся могут получать чины и даже дворянство. В подтверждение своих намерений Жангир отправил наследника Сатыб-Гирея в Пажеский корпус [Иванов, 2016: 49].

При жизни Жангира школа содержалась всецело на его собственные средства и сразу после его смерти начала приходить в упадок. Позднее училище стали содержать за счет закята. Уже в 1848 г. учитель Ольдекоп принял решение принимать туда и русских мальчиков, не имевших собственных средств на обучение, полагая полезным, чтобы русские изучали киргизский язык, а казахи – русский [Иванов, 2016: 52]. Благами и наследием просвещенного хана Жангира начали пользоваться и русские.

Медицинские реформы. Казахи были чувствительны к различным заболеваниям, и Жангир понимал ценность медицины для общества, настаивал на создании в Орде медицинской службы. В письме от 10.04.1825 г. он просил назначить врача, поскольку у кочевников высока смертность из-за непрофессиональных родов, распространены болезни людей и скота, отсутствует врачебная помощь. План включал открытие больницы и аптеки, обучение фельдшеров (прививки, лечение), подготовку коновалов на научной основе, профилактику скотских болезней и улучшение хозяйства. Для реализации был приглашен аттестованный специалист Петербургской медико-хирургической академии [Иванов, 2016: 53]. Многочисленные исследования смертности при низких температурах подтверждают это наблюдение: в Финляндии и других регионах холод оказывал более сильное

влияние на общий уровень смертности, чем жара [Donaldson, 2003: 1–7]. Холодный климат мог способствовать высокой смертности новорожденных в Букеевской Орде. Вместе с тем нельзя отрицать и успехи казахов в адаптации к суровым условиям. В Орде отмечались серьезные климатические трудности и проблемы со здоровьем населения, что вызывало обеспокоенность Жангир-хана.

Трудности реформ Жангира были во многом обусловлены слабостью академических кадров. Родоправители и старшины в исполнении своих обязанностей не проявляли особой исполнительности. В 1840-е гг. участились угоны скота киргизами у казаков. Допускалось, что султаны и старейшины не только не противодействовали этому, но порой поощряли и даже сами участвовали [Иванов, 2016: 62–63]. С одной стороны, давление колонизации, бедность широких слоев, слабая теологическая подготовка, сопротивление изменениям и высокая мобильность кочевников создавали благоприятную почву для барынты. Имелось и противоположное направление угонов: зафиксировано дело об угоне 35 лошадей из табуна Жангир-хана во Внутренней (Букеевской) Орде, совершенном крестьянином слободы Покровской Василием Чернышевым [ГАСО. Ф. 432. Оп. 1. Л. 13]. То есть кражами промышляли не только казахи. Хан Жангир освобождал от закята и сугума малолетних сирот (до 15 лет), родоправителей, биев и старшин (за службу), султанов и ходжей (по происхождению), мулл, служивших и обучавших детей, лиц, пожалованных тарханством, а также толентутов (бывших рабов) [Иванов, 2016: 88].

Архивные данные показывают, что после смерти хана Жангира внутри Орды наблюдались слабая управляемость и отсутствие надлежащего бухгалтерского учета. Комиссия затребовала трехлетний отчет по зякету и сугуму, однако финансовая отчетность оказалась неудовлетворительной: системные книги не велись, записи были расплывчаты, выплаты производились как деньгами, так и натурой; точные суммы восстановить невозможно. Налогообложение первоначально строилось по принципу «доли стада», позднее – по фиксированным ставкам; беднейшие хозяйства (менее ~100 руб. серебром) освобождались от зякета и сугума [ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5440. Л. 32–36].

Восстание Исатая. В интерпретации Г.Ф. Генса, возглавлявшего Оренбургскую комиссию, восстание Исатая следует объяснять не столько фискальными практиками и злоупотреблениями местной знати, сколько динамикой коллективных представлений – «слуховой» природой коммуникаций и психологией толпы. Схожую мысль высказывал сенатор Энгель, указывая на решающую роль «нелепых слухов». Энгель предупреждал, что в Орде есть султаны, распространяющие слухи, такие как Кайп-Галий и Чука Нуралиев [Рязанов, 1991: 4–5]. В методологическом отношении эта трактовка акцентирует структурную проблему информационной среды: дефицит легитимных каналов оповещения и процедур проверки сведений способствовали ускоренному распространению непроверенной информации и росту напряжения. Один человек мог распространить неверный слух о Жангире, а далее в процессе ретрансляции он искался до такой степени, что превращался в вопиющее преувеличение. Некоторые султаны-чингизиды могли стремиться к власти и пытались ослабить позиции Жангира, распространяя о нем непроверенную информацию. Изобилие чингизидских линий этому благоприятствовало. Подобные механизмы видны и в Казахском ханстве, и в Ногайской Орде, где мангыты нередко вступали в смертельную междуусобицу за власть.

Исатай был представителем рода бериш (подрод жайык). Хотя ядро восстания формировалось преимущественно среди беришей, значительная часть старшей ветви рода бериш подрода себек сохраняла про-жангирскую ориентацию. Разумеется, имелись и исключения: внутри рода сосуществовали разные группы интересов и различающиеся политические цели. Исатай не был ни первым, ни последним, кто сопротивлялся политике Жангир-хана. Как отмечает историк Кайып-Гали Ишимов, в 1817, 1818 и 1829 гг. предпринимались попытки увести часть населения из Нарынских песков в Зауральскую Орду. До него аналогичные стремления проявлял султан Карагай, а последняя по времени попытка принадлежала Исатаю [Рязанов, 1991: 6]. Однако корректность такой линии сопоставления вызывает вопросы. Исатай не был чингизидом и не претендовал на ханскую власть, поэтому сопоставление его действий с инициативами Кайып-Гали Ишимова и султана Карагай-хана некорректно – цели и мотивации могли существенно различаться. Одновременно становится очевидно, что Жангир не проводил системных военных реформ, концентрируясь прежде всего на образовании и просвещении. В ходе восстания хан оказался фактически в одиночестве: у него не было собственных сил для подавления выступления, кроме привлеченного русского отряда. Даже дядя хана Чука Нуралиев занял двусмысленную позицию, а султан Кайып-Гали фигурировал как один

из инициаторов движения, при том что его конечной целью могло быть хотя бы объединение казахов под властью Хивы [Рязанов, 1991: 5–6].

Следует оговорить, что Жангир-хан располагал некоторыми собственными казахскими вооруженными силами. Следовательно, тезис о его «полном одиночестве» упрощает ситуацию. Ключевой дефицит заключался не столько в людских ресурсах, сколько в отсутствии внутри ханского лагеря фигуры, сопоставимой с Исатаем по личной харизме и авторитету, способной выступить медиатором и сдерживающим лидером. Между тем большинство наиболее влиятельных батыров – включая байбактингца Наушу и, в культурно-политическом смысле, поэта Махамбета – примкнули к Исатая, что резко сузило для хана пространство переговоров и невоенной дескализации.

Реформы Жангир-хана вошли в кризис, поскольку ключевые назначения делались по степени родства и лояльности, а не по личным заслугам и компетенциям. Кризисная динамика реформ Жангир-хана во многом была обусловлена патrimonиальным принципом кадровых решений. Приоритет родства и верноподданности над меритократическими критериями (личными достижениями и профессиональной компетентностью) подорвал эффективность институциональных нововведений.

Исатай выступал как относительно объективный лидер и не поддавался «эмоциональной» логике слухов. Согласно свидетельствам, сторонники Жангир-хана и часть управленцев применяли фискальное давление к «неугодным» родовым старшинам, тогда как близкие родственники получали налоговые послабления, подобная практика воспринималась населением как ограбление [Рязанов, 1991: 11]. Одной из главных причин выступления стало назначение тестя, Карапылқожи Бабажанова, не имевшего казахского происхождения. Несмотря на эти протесты, хан этого не учел [Рязанов, 1991: 14]. Не исключено, что предпочтение, оказанное Жангир-ханом Карапылқоже, было обусловлено не аффинальным родством, а сакрализованным статусом ходжей как предполагаемых потомков Пророка. Религиозная мотивировка могла усилить доверие хана. При этом, в отличие от казахов и калмыков, практиковавших строгую родословную фиксацию (шежире), ходжи нередко не удостоверяли происхождение в сопоставимых формах и могли происходить из среды сартов. Мы не находим свидетельств, что Исатай изначально был против хана. Источники подтверждают, что 29 ноября 1826 г. Исатай выступал главным представителем при бухарском посланнике, а в 1828 г. как старшина рода бериш на урочище Уяла принес присягу верности посредством клятвенной записи. Подобных «позитивных» эпизодов было немало, однако именно эти зафиксированы в архивах [Рязанов, 1991: 15]. Из-за этого может показаться, что недовольство Исатая было направлено не столько против Жангира, сколько против Карапылқожи Бабажанова. Карапылқожа был сартом по происхождению и вызывал раздражение назначением старшиной Адаевского уезда. К 1838 г. Исатай уже был готов предпринять решительные шаги именно против него. Также он усиливал поборы с казахов и присваивал ресурсы. Исатай писал, чтобы Карапылқожа не объявлял себя правителем и не увеличивал поборы [Рязанов, 1991: 19–20]. Тем самым стало очевидно, что без прозрачной фискальной системы, устойчивой бюрократии и инклюзивной кадровой базы «реформы сверху» обречены порождать сопротивление и расколы.

Материалы, введенные в оборот А.Ф. Рязановым, свидетельствуют об отсутствии у Карапылқожи широкой социальной легитимности. В условиях вооруженного столкновения, несмотря на численное превосходство, он уклонился от прямого боя с Исатаем. Отмечается, что деморализация затронула даже его ближайшее окружение. Исатай, приблизившись к ханской ставке, согласился на переговоры через бия Алтая Досмухamedова и распустил свой отряд. Сам Жангир отмечал Махамбета как главного подстрекателя и как фигуру, влиявшую на Исатая [Рязанов, 1991: 20–28]. Наряду с этим имеются основания полагать, что богословская подготовка Карапылқожи была неудовлетворительной: он не обладал достаточным шариатским знанием и не мог убедительно обосновать свою легитимность. Исатай не стремился «убрать» хана; его протест был направлен прежде всего против Карапылқожи и против вмешательства во внутренние дела казахов. Кайып-Гали, вошедший под протекторат Хивы, добивался войны с Российской империей. В конце Исатай был убит в бою, сражаясь против пяти наседавших, он «умер по вине своей храбрости» [Рязанов, 1991: 97]. Исатай из-за промедления не атаковал ставку Жангир-хана и, упустив благоприятный момент, в итоге потерпел поражение [Рязанов, 1991: 93].

Казахская политическая культура исходила из презумпции сакральной неприкосновенности чингизидской власти, и убийство чингизида рассматривалось как крайняя, почти табуированная мера. В этом контексте Исатай, уже приносивший присягу Жангир-хану, проявлял колебание: прямой удар

по хану, по его собственному пониманию чести, грозил уронить его воинское достоинство, поскольку выглядел бы как нарушение данной клятвы. Исатай происходил из рода бериш, однако внутри самого рода не существовало единой линии. Определенные группы в виде биев признавали и позитивные стороны политики Жангира.

Политика Жангир-хана во многом была задумана как модернизационный проект и по своему замыслу напоминает реформаторский курс эпохи Мэйдзи в Японии, где авторитет императора (тэнно) признавался безусловным и служил идеологическим ядром централизации. В Казахской степи подобная «вертикаль» была структурно затруднена: множественность чингизидских линий и конкурирующих центров легитимации воспроизводила дву- и троевластие, подрывая дисциплину и согласованность реформ. В этом сопоставлении фигура Исатая функционально сродни Сайго Такамори. Оба стали символами вооруженной оппозиции модернизационным преобразованием, апеллируя к нормам справедливости и привычному порядку. Дополняя аналогию, отметим роль идеологии: в Японии конфуцианский идеал иерархической лояльности поддерживал центр, тогда как в степи не сложилось сопоставимого по силе консенсуса – религиозные и родоплеменные нормы интегрировали общество иначе и часто вступали в противоречие с проектом ускоренной централизации. Разумеется, это лишь эвристическое сравнение, призванное выявить институциональные различия, а не нивелировать специфику каждого случая. Жангир-хан во многом предвосхитил институциональные и культурные тренды своего времени. Разрыв между его модернизационным горизонтом и ожиданиями степного социума породил эффект «непонятости» и ограничил результативность реформ. Исатай не выступал против модернизационных мер как таковых. Его протест был адресован прежде всего приближенным хана и практикам их власти.

Социальные факторы краха части реформ Жангир-хана. Крах части реформ Жангир-хана был непосредственно связан с действием ряда устойчивых социальных факторов. Во-первых, усилившееся имущественное расслоение и долговая зависимость рядовых скотоводов от родоправителей и купцов подрывали фискальные новации хана. Попытка упорядочить зякет и сугым, перевести поборы в фиксированные ставки и формально освободить беднейшие хозяйства воспринималась значительной частью населения не как облегчение, а как еще один механизм извлечения ресурсов в условиях сужающейся пастьбищной базы. Тем самым социальная структура делала фискальную реформу политически уязвимой и способствовала ее delegитимации.

Во-вторых, сохранение сильной родовой иерархии ограничивало административную централизацию. Усиление ханской канцелярии, попытка навязать единые нормы судопроизводства и налогообложения неизбежно вступали в конфликт с интересами родоправителей, для которых автономия в управлении родовыми ресурсами была основой статуса. Сопротивление элит, не желавших уступать часть полномочий ханской ставке, приводило к тому, что многие управленческие новшества оставались на уровне указов или точечных практик, а не превращались в устойчивую иерархию институтов.

В-третьих, фаворитизм в кадровой политике, наиболее ярко проявившийся в продвижении Карапылқожи Бабажанова и концентрации в его руках земельных и фискальных ресурсов, подрывал доверие к самому языку реформ. В глазах значительной части подданных образовательные, земельные и налоговые меры оказывались связаны не с «общим благом», а с обогащением узкой группы приближенных. Это недоверие стало важным фактором мобилизации в восстании Исатая и способствовало тому, что даже потенциально полезные инициативы Жангир-хана воспринимались как несправедливые.

Наконец, отсутствие собственной устойчивой военной опоры и кадровой меритократии не позволило хану институционализировать проведенные нововведения. При нехватке лояльного вооруженного ресурса и подготовленного по заслугам административного слоя Жангир-хан не мог обеспечить ни принудительное исполнение новых норм, ни защиту тех, кто был вовлечен в их реализацию. В результате образовательные, медицинские и фискальные реформы оставались персоналистским проектом, опиравшимся на харизму хана; после его смерти сочетание перечисленных социальных факторов привело к быстрому свертыванию созданных институтов и возвращению к более фрагментированной системе власти.

Выходы. Реформаторский замысел Жангир-хана во Внутренней (Букеевской) Орде был целостным – охватывал школу, медицину, административные практики и фискальную модернизацию, – однако опирался на узкий кадровый ресурс и не подкреплялся устойчивой вертикалью власти. Образовательные инициативы (училище в Орде, отправка одаренных юношей к авторитетным

татарским муллам и в имперские корпуса) дали точечный символический и кадровый эффект, но из-за дефицита преподавателей и финансирования не сформировали воспроизведенную систему. Медицинские меры – приглашение врача, подготовка фельдшеров и ветеринаров, вакцинация – были адекватны потребностям кочевого хозяйства, но их охват оставался ограниченным. Фискальная база реформ эволюционировала от традиционной «доли стада» к фиксированным ставкам и предусматривала освобождение беднейших; вместе с тем слабость бухгалтерии, натурные формы расчетов и расплывчатость записей подрывали управляемость финансами.

Попытки укрепить ханскую опору через служилые группы и интеграцию ногайцев усиливали дворцовый центр, но углубляли напряжение с частью родовой знати; военные аспекты преобразований оставались фрагментарными и источниково неочевидными. Природно-климатические ограничения (холодные зимы, падеж скота) и высокое бремя болезней сужали хозяйственный потенциал, а социальное сопротивление ускоренной централизации на фоне давления колониальной администрации ограничивало пространство для компромиссов. Финансовая несостоятельность многих проектов – зависимость от личных средств хана и последующая деградация институтов после его смерти – не позволила конвертировать модернизационный импульс в устойчивые практики управления и налогоучета, что, в совокупности с конкурирующими центрами чингизидской легитимации, поддерживало дефицит дисциплины исполнения и способствовало политической эскалации, завершившейся восстанием Исатая–Махамбета.

Одним из уязвимых мест политики Жангир-хана была слабость военной реформы. В отличие от образовательных, медицинских и фискальных инициатив, вопрос системной военной опоры практически не был институционализирован. Это можно объяснить несколькими факторами: ориентацией хана на просвещение и «мирное» управление, влиянием религиозно-нравственной рамки, а также жесткими ограничениями со стороны Российской империи, не поощрявшей создание самостоятельной вооруженной силы в степи. В результате, в момент, когда отряд Исатая приблизился к ханской ставке, Жангир оказался фактически незащищен. Его положение спасли не собственные вооруженные структуры, а личная сдержанность Исатая и признание за Жангир-ханом сакрального статуса чингизида.

Источники

ЦГА РК – Центральный государственный архив Республики Казахстан
ГАСО – Государственный архив Саратовской области

Литература

Абжаппарова, 2016 – Абжаппарова М.Т., Шотбакова Л.К. Роль личности в истории: хан Жангир в истории Казахстана // Перспективы науки – 2016: материалы IV международного заочного конкурса научно-исследовательских работ, Казань, 10 октября 2016 г. Казань: Научно-образовательный центр «Знание», 2016. С. 125–128.

Бадрутдинова, 2013 – Бадрутдинова М.Ш., Галимуллина Г.Х. Хан Букеевской Орды Жангир – почетный член Казанского Императорского университета // История России и Татарстана: проблемы энциклопедических и научковедческих исследований. Сб. статей итоговой научно-практической конференции научных сотрудников Института Татарской энциклопедии АН РТ, Казань, 03–04 июня 2013 г. Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 2013. С. 112–117.

Вамбери, 2006 – Вамбери А. Путешествие по Средней Азии (Библиотека казахской этнографии, т. 48). Павлодар: ТОО НПФ «ЭКО», 2006. 313 с.

Досмұхамедұлы, 1991 – Досмұхамедұлы Х. Аламан. Алматы: Ана тілі, 1991. 176 б.

Ермекбай, 2017 – Ермекбай Ж.А. Хан Жангир: верноподданный России и реформатор степи // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 425. С. 124–130.

Зиманов, 1982 – Зиманов С.З. Россия и Букеевское ханство. Алма-Ата: Наука, 1982. 141 с.

Иванов, 2016 – Джангир, хан внутренней Киргизской Орды / Сост. И.С. Иванов. Астрахань: Тип. Н.Л. Рослякова, 1895 (репр. изд. 2016). 230 с.

История Букеевского ханства, 2002 – История Букеевского ханства. 1801–1852 гг.: сб. документов и материалов / Сост. Б.Т. Жанаев, В.А. Иночкин, С.Х. Сагнаева. Алматы: Дайк-Пресс, 2002. 1120 с.

Ишмухамбетов, 2016 – Ишмухамбетов Р.В. Восстание Исатая Тайманова 1836–1838 гг. во Внутренней (Букеевской) Орде казахов и служилые группы ее населения // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2016. № 4 (49). С. 39–47.

Капиз, 2008 – Капиз М. Руханият. 2008. 27 ноября.

Кенжетаев, 1995 – Кенжетаев Б. Джангир хан – почетный член Казанского университета // Гасырлар авазы – Эхо веков. 1995. № 1. С. 254–256.

Рязанов, 1991 – Рязанов А.Ф. Восстание Исатая Тайманова (1836–1838 гг.): очерк по истории национального движения казахского народа. Алма-Ата: Алтын-Орда, 1991. 102 с.

Уалиев, 2003 – Уалиев А.М. Ногай-казак шежиресі = Родословие (шежире) ногай-казахов. Уральск: [б. и.], 2003.

Харузин, 2023 – Харузин А.Н. Киргизы Букеевской Орды. М.: Книга по требованию, 2023. 335 с.

Donaldson, 2003 – Donaldson G.C., Keatinge W.R., Näyhä S. Changes in Summer Temperature and Heat-Related Mortality since 1971 in North Carolina, South Finland, and Southeast England // Environmental Research. 2003. Vol. 91. № 1. Pp. 1–7.

Sources

TsGA RK – Tsentral’nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Kazakhstan [Central State Archives of the Republic of Kazakhstan]

GASO – Gosudarstvennyi arkhiv Saratovskoi oblasti [State Archive of the Saratov Region]

References

Abzhapparova, 2016 – Abzhapparova M.T., Shotbakova L.K. Rol’ lichnosti v istorii: khan Zhangir v istorii Kazakhstana [The role of the individual in history: Khan Zhangir in the history of Kazakhstan]. Perspektivy nauki – 2016: materialy IV mezdunarodnogo zaochnogo konkursa nauchno-issledovatel’skikh rabot, Kazan’, 10 oktiabria 2016 g. Kazan’: Nauchno-obrazovatel’nyi tsentr «Znanie», 2016. Pp. 125–128. [in Russian]

Badrutdinova, 2013 – Badrutdinova M.Sh., Galimullina G.Kh. Khan Bukeyevskoi Ordy Zhangir – pochetnyi chlen Kazanskogo Imperatorskogo universiteta [Zhangir, Khan of the Bukey Horde – honorary member of Kazan Imperial University]. Istoriiia Rossii i Tatarstana: problemy entsiklopedicheskikh i naukovedcheskikh issledovanii. Kazan’: Institut Tatarskoi Entsiklopedii AN RT, 2013. Pp. 112–117. [in Russian]

Dosmukhameduly, 1991 – Dosmukhameduly Kh. Alaman [Alaman]. Almaty: Ana tili, 1991. 176 p. [in Kazakh]

Ermekbai, 2017 – Ermekbai Zh.A. Khan Zhangir: vernopoddannyi Rossii i reformator stepi [Khan Zhangir: loyal subject of Russia and reformer of the steppe]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2017. № 425. Pp. 124–130. [in Russian]

Ishmukhambetov, 2016 – Ishmukhambetov R.V. Vosstanie Isataia Taimanova 1836–1838 gg. vo Vnutrennei (Bukeyevskoi) Orde kazakhov i sluzhilye gruppy ee naseleniya [The uprising of Isatay Taimanov (1836–1838) in the Inner (Bukey) Horde of the Kazakhs and the service strata of its population]. Kaspiiskii region: politika, ekonomika, kul’tura. 2016. № 4 (49). Pp. 39–47. [in Russian]

Istoriiia Bukeyevskogo khanstva, 2002 – Istoriiia Bukeyevskogo khanstva. 1801–1852 gg.: sbornik dokumentov i materialov [History of the Bukey Khanate, 1801–1852: collection of documents and materials]. Compl. Zhanaev B.T., Inochkin V.A., Sagnaeva S.Kh. Almaty: Daik-Press, 2002. 1120 p. [in Russian]

Ivanov, 2016 – Dzhanger, khan vnutrennei Kirgizskoi Ordy [Dzhanger, Khan of the Inner Kirghiz Horde]. Compl. I.S. Ivanov. Astrakhan’, 1895 (reprint 2016). 230 p. [in Russian]

Kapiz, 2008 – Kapiz M. Rukhaniyat [Rukhaniyat]. 2008. November 27. [in Kazakh]

Kenzhetaev, 1995 – Kenzhetaev B. Zhangir khan – pochetnyi chlen Kazanskogo universiteta [Zhangir Khan – honorary member of Kazan University]. Gasyrlar avazy – Eko vekov/ 1995. № 1. Pp. 254–256. [in Russian]

Kharuzin, 2023 – Kharuzin A.N. Kirgizy Bukeyevskoi Ordy [The “Kirgiz” of the Bukey Horde]. Moskva: Kniga po trebovaniyu, 2023. 335 p. [in Russian]

Ryazanov, 1991 – Ryazanov A.F. Vosstanie Isataia Taimanova (1836–1838 gg.): ocherk po istorii natsional’nogo dvizheniya kazakhskogo naroda [The Uprising of Isatai Taimanov (1836–1838): An Essay on the History of the National Movement of the Kazakh People]. Alma-Ata: Altyn-Orda. 102 p. [in Russian]

Ualiev, 2003 – Ualiev A.M. Nogai-qazaq shezheresi [The Nogai-Kazakh genealogy]. Uralsk, 2003. [in Kazakh]

Vambery, 2006 – Vambery A. Puteshestvie po Srednei Azii [Travels in Central Asia]. (Biblioteka kazakhskoi etnografii, vol. 48). Pavlodar: EKO, 2006. 315 p. [in Russian]

Zimanov, 1982 – Zimanov S.Z. Rossiia i Bukeyevskoe khanstvo [Russia and the Bukey Khanate]. Alma-Ata: Nauka, 1982. 141 p. [in Russian]

**МАЗМУНЫ/ СОДЕРЖАНИЕ/CONTENT
ОТАН ТАРИХЫ. 2025. Т. 28. № 4**

Uryustymova A., Sadvakassova Zh., Omurova Zh.

KAZAKHSTAN–KYRGYZSTAN CULTURAL DIPLOMACY (2015–2025):
THE ROLE OF TURKSOY AND OTHER CULTURAL PLATFORMS.....990

Sailaubaeva A.K., Zhumatai S.

THE ROLE OF THE AKHMET RIZA MADRASAH IN THE EDUCATIONAL
AND ENLIGHTENMENT ACTIVITIES OF THE SEMEY REGION.....1000

Akshanova A.M., Otepova G.E., Kabidenova Zh.D.

NATIONAL PERSONNEL POLICY IN THE PAVLODAR REGION UNDER
THE FUNCTIONAL NORM OF KORENIZATSIIA (INDIGENIZATION).....1009

Kapassova G., Sadvakassova Zh., Kaliyeva K.

HISTORICAL FORMATION AND DEVELOPMENT TRENDS OF TOURISM
IN THE ALAKOL AND ISSYK-KUL REGIONS: A COMPARATIVE ANALYSIS.....1020

Dossymova M.K.

THE GENERAL SITUATION OF THE OTTOMAN EMPIRE AND RUSSIA
IN THE FINAL STAGES OF THE FIRST WORLD WAR.....1033

Baigabatova N., Abdrahim M.

ADAPTATION CHALLENGES OF ETHNIC REPATRIATES IN
POST-SOVIET KAZAKHSTAN: A HISTORICAL-CONTEXTUAL ANALYSIS.....1050

Dalayeva T., Idrissova A.

VISUAL SYMBOLISM OF ECONOMIC HISTORY IN TEXTBOOKS ON THE
MODERN HISTORY OF KAZAKHSTAN (SECOND HALF
OF THE 20TH–EARLY 21 CENTURIES).....1063

Sadvakassova Zh., Kapassova G.

KAZAKHSTAN KYRGYZ AND KYRGYZSTAN KAZAKHS:
ETHNODEMOGRAPHIC TRANSFORMATION AND MIGRATION
IN THE FIRST DECADE OF INDEPENDENCE.....1080

Zhussip S.A., Nurpeisov Y.K., Maslov Kh.B.

ALASH ORDA'S SOVEREIGN FOREIGN POLICY: NEGOTIATIONS WITH
THE CZECHOSLOVAK DELEGATION (1918–1920).....1091

Токашева А.Н., Жуманова А.3.

1944 ЖЫЛҒЫ БКП(Б) ОРТАЛЫҚ КОМИТЕТІНДЕГІ ТАРИХШЫЛАР КЕҢЕСІ:
КЕҢЕС ТАРИХНАМАСЫНДАҒЫ ИДЕОЛОГИЯЛЫҚ БАҒЫТ.....1107

Сулейменова А.Т.

- РЕСПУБЛИКАЛЫҚ БАҚЫЛАУ КОМИССИЯЛАРЫНЫң ҚҰЖАТТАРЫ ҚАЗАҚСТАНДА
1925–1933-ЖЫЛДАРЫ ЖУРГІЗІЛГЕН НАУҚАНДАРДЫ
ЗЕРТТЕУДІҚ ТАРИХИ ДЕРЕККӨЗІ РЕТИНДЕ.....1117

Абсаликов А.А., Бисенова Г.А.

- ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ О КОК ОРДЕ (СИНЕЙ ОРДЕ) И АК ОРДЕ
(БЕЛОЙ ОРДЕ): ПРОБЛЕМЫ ЛОКАЛИЗАЦИИ И РЕКОНСТРУКЦИИ
В ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ.....1136

Молдин Б.А., Мәден А.Т.

- ХХ ФАСЫРДЫҢ 20-30 ЖЫЛДАРЫНДАҒЫ ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ
ХАЛЫҚ НАРАЗЫЛЫҚТАРЫ МЕН КӨТЕРІЛІСТЕРІ МӘСЕЛЕСІНЕ
ТАРИХНАМАЛЫҚ ШОЛУ.....1148

Бейсенбаева Г.К., Касенова А.Д., Богенбаева А.К.

- ПОЛЕВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ДЛЯ ШКОЛЬНИКОВ.....1166

Рахметова Ә., Сарсембаева Г.

- ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ ДЕМОГРАФИЯЛЫҚ ДАМУДЫҢ ЖАҢА
БАҒЫТТАРЫ (2021–2025 жж.).....1177

Есназарова З.Б.

- АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИОРИАЛЬНОЕ И СОЦИАЛЬНО-
ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ГОРОДОВ
КАРАКАЛПАКСТАНА. 1873–1926 гг.....1189

Базарбаев К., Амирбек А., Акдениз Ә.

- ХХ ФАСЫР БАСЫНДАҒЫ ҚАЗАҚ ЗИЯЛЫЛАРЫНЫң ҚОҒАМДЫҚ-
САЯСИ САНАСЫНДАҒЫ ТҮРКИЯ ФАКТОРЫ.....1205

Шолаков М.Г., Алпысбес М.А.

- РЕФОРМЫ ЖАНГИР-ХАНА.....1215

Мамраймов С.Д.

- 1937 ЖЫЛҒЫ №00447 БҮЙРЫҚ ЖӘНЕ ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ
КЕҢЕСТИК РЕПРЕССИЯЛЫҚ АППАРАТТЫҢ
ҚҰРЫЛЫМДЫҚ-ИНСТИТУЦИОНАЛДЫҚ ТЕТИКТЕРІ.....1230

Ескалиев С.А., Айтменов Ж.К.

- КОММУНИСТИК ПАРТИЯ МЕН КЕҢЕСТИК МЕМЛЕКЕТТІЛІК:
ТОТАЛИТАРЛЫҚ ЖҮЙЕНИҢ ИНСТИТУЦИОНАЛДЫҚ ЭВОЛЮЦИЯСЫ
(ТАРИХИ АСПЕКТ)......1245

Сагнайкызы С., Сартаев С.А., Нусупбаева С.А.

- КОРРУПЦИЯ И ПОЛИТИЗАЦИЯ: ОТРАЖЕНИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ
ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ КАЗАХСКОЙ АССР НА СТРАНИЦАХ
ГАЗЕТЫ «ЕҢБЕКШІ ҚАЗАҚ» (КОНЕЦ 1920-Х – НАЧАЛО 1930-Х ГОДОВ).1260

Куаныш С.О., Айдосынова Г.Ж., Мурзаходжаев К.М.	
АТЫРАУ ӨҢІРІНДЕГІ ҚҰҒЫН-СҮРГІН: ӨЛІМ ЖАЗАСЫНА КЕСІЛГЕН ДІН ӨКІЛДЕРІ.....	1271
Хайдаров Т.Ф., Бейсембаева А.Р.	
XIV ФАСЫРДЫҢ ЕКІНШІ ЖАРТАСЫНДА ЖОШЫ ҰЛЫСЫНДА БОЛҒАН ИНДЕТ.....	1284
Түлебаев Д.Ж., Симтиков Ж.К.	
ҚАЗАҚ ХАЛҚЫНЫҢ ТАРИХЫНДАҒЫ ТІЛДІҢ ӘЛЕУМЕТТІК РӨЛІ.....	1293
Ашимова У.А., Қалишабаева Б.К.	
ҚАЗАҚ ӘЙЕЛДЕРІНІҢ ДӘСТҮРЛІ КИМІНДЕГІ ТРАНСФОРМАЦИЯЛЫҚ ҮРДІСТЕР: МӘДЕНИ ЖАД ПЕН ҰЛТТЫҚ БІРЕГЕЙЛІК ТҮЙІСІНДЕ.....	1304
Kabuldinov Z.Y., Mussabalina G., Beisembayeva A.	
KAZAKH-OIRAT RELATIONS IN THE CONTEXT OF REGIONAL TRANSFORMATIONS IN CENTRAL ASIA (15 th – EARLY 17 th CENTURIES).....	1319
Ергабылов А.Е.	
ЖЕТИСУ ЖӘНЕ ІЛЕ АЛАБЫНДАҒЫ ОРТАФАСЫРЛЫҚ ҚАЛАЛАРДЫҢ ЗЕРТТЕЛУІНДЕГІ КЕЙБІР ӨЗЕКТІ МӘСЕЛЕЛЕР (1991-2023 ЖЖ. ЗЕРТТЕУЛЕР НЕГІЗІНДЕ).....	1331

Ш.Ш. Уәлиханов ат. Тарих және этнология институты
Алматы қ., Шевченко көш., 28
Тел/факс: +7 727 261 67 19
e-mail: kazhistory@bk.ru